

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

«Я никогда ничего не просила у государства»

«Я НИКОГДА НИЧЕГО НЕ ПРОСИЛА У ГОСУДАРСТВА — НИ ДЛЯ СЕБЯ, НИ ДЛЯ КОГО-ТО ИЗ БЛИЗКИХ»

Журналисты «ВП» — в Стрельне, в гостях у Веры Павловны. Квартира расположена на четвертом этаже хрущевки. Лифта, понятное дело, нет в принципе. Так что человеку в преклонном возрасте выбирать из дома — целое событие. Миниатюрная трехкомнатная квартира, в которой проживает чуть ли не целый «детский сад» правнуков, на хоромы походит мало. Очень очень тесно. Это даже не семейная коммуналка. Это какое-то еще более плотное заселение типа «семейная казарма». Маленькая кухня, где можно готовить только по очереди. Очереди могут быть и в места общего пользования. Иногда на некоторое время проживающих становится поменьше: то одна семья, то другая, подкопив денег, начинает снимать чужое жилье. Потому что жить в таких условиях невыносимо. Приходится экономить на всем, чтобы иметь возможность снять жилье. Но это

меры временные и ни в коей мере вопрос с жильем не решают.

Сейчас ситуация усугубилась тем, что зять Веры Павловны тяжело заболел. (В упомянутой квартирке он проживает 16 лет, однако прописка у него временная: прописывать его постоянно чиновники отказываются, ссылаясь на то, что он — бывший военнослужащий.)

8 сентября этого года Вере Павловне исполнилось 90 лет. Власти могли бы хоть к такой дате приурочить выдачу ордера столь заслуженному человеку. Вера Павловна так ждала! Но в ответ, как говорится, тишина.

— Я никогда ничего не просила у государства — ни для себя, ни для кого-то из близких. Но сейчас, когда начали одолевать разные болезни и очень хочется покоя, я была вынуждена просить о предоставлении жилья, — говорит Вера Павловна.

Первый раз, второй раз — все без толку. Как замечает Вера Павловна, от чиновников «получила оплеухи». В моральном плане. (В физическом-то уж сколько их получала в немецком плену!) За «третьей порцией» обращаться не будет.

Между прочим, Вера Павловна — коренная жительница Стрельны. Она родилась здесь, в Стрельне же голодала в войну, из Стрельны была угнана в Германию. Вернулась на Родину в конце марта 1945 года. Участвовала в восстановлении разрушенного во время оккупации колхоза в Стрельне.

Вера Павловна достает альбом с фотографиями и свою главную драгоценность — дневники. Дневники, которые вела, находясь в плену. Часть из них — в тетрадях, часть — на упаковочной бумаге из-под немецких удобрений. Это документальные свидетельства того, что происходило с советскими людьми на земле врага. Это боль, слезы и — непоколебимая вера в победу и в то, что, если выживешь, вернешься на Родину. А малой родиной Веры Павловны была Стрельна.

Кстати, к 60-летию Победы этот дневник был издан (отредактированный и дополненный). Книга называется «Ищи меня в России». Вот только издать ее на спонсорские деньги удалось очень маленьким тиражом: всего 500 экземпляров. Которые и разошлись по школам и другим учреждениям Стрельны. Там книгу можно взять в библиотеках. Но для массового читателя это уникальное издание недоступно.

ПОД ДУЛОМ АВТОМАТА — НА ЧУЖБИНУ

Весной 1941 года Вера окончила 9-й класс. Впереди был самый ответственный, выпускной 10-й класс, мечты и планы на будущее. Но их перечеркнула роковая дата — 22 июня.

В тот день Вера с женой брата пошли на утренний спектакль в театр, слушали «Риголетто».

— Мы еще успели съесть в антракте шоколад и пирожные. Мы ничего еще не знали: объявлений в театре не было. Только во время второго действия по залу пронесся легкий шум: как мы позднее догадались, это уходили из зала зрители — военнослужащие. Мы же оставались в счастливом неведении еще долго, пока не вернулись в Стрельну, — вспоминает Вера Павловна. — Уже на подходе к Волхонке увиделидвигающуюся навстречу колонну танков. Танкисты — молодые ребята в шлемах — сидели возле раскрытых люков, пели боевые песни, кричали что-то бодрое встречным девушкам, ловили кинутые ими букетики полевых цветов. То тут, то там на обочине стояли прохожие, одна женщина плакала. «О чем вы плачете?» — спросили мы. И она ответила: «Так война же, доченьки...»

Начались военные будни. Вера вместе со всеми рыла окопы, тревожно прислушиваясь ко все приближающейся к Стрельне артиллерийской канонаде. Когда стало ясно, что оккупация Стрельны — дело нескольких дней, что немцы совсем скоро будут здесь, Вера вместе с мамой Анной Петровной решила пойти пешком в Ленинград, к тетке. (Трамвай уже не ходили.) И угодили в зону интенсивного обстрела.

— Запомнился беспрерывный свист,

шелест и вой над головой да бесконечно длинное картофельное поле с залитыми дождем бороздами. К счастью, мы успели доползти до окопа, где бойцы Красной армии сказали нам, что дорога на Ленинград уже отрезана и нам в город не попасть. Когда перестрелка затихла, мы окольными путями решили возвращаться обратно в Стрельну, — добавляет Вера Павловна и уточняет, что ее тетка, к которой они собирались, потом умерла от голода.

Когда Вера Павловна с матерью подошли к своему дому (а жили они тогда в собственном доме), там уже всю хозяйничали немцы. Забрали всю живность, овощи и другие припасы. Заняли хозяйский дом, «милостиво» разрешив семье Веры Павловны занять ветхую дачную постройку. Есть стало нечего: начался голод. Причем никаких карточек на продовольствие русские люди не получали. Вера Павловна рассказывает, как один из ее родственников в страшную голодную зиму 1941 — 1942 годов вырыл и съел труп собаки, закопанной на огороде. (Эту собаку — любимицу семьи — немцы застрелили еще в сентябре на глазах у Веры Павловны.)

В оккупированной Стрельне начались зверства фашистов. Расстрел следовал за расстрелом.

— В апреле 1942 года был жестоко, зверски убит мой одноклассник Юрий. Его, убогого (он от рождения был горбатым), привязали к вожжам и погнали лошадь вскачь. Лошадь долго волочила окровавленного, но еще живого Юру по мерзлым буграм. После чего «цивилизованные освободители» отвели лошадь в конюшню, а Юру добились выстрелом в упор. За что? За то, что обезумевший от голода мальчик решил украсть какую-то малость из немецкой кухни, — вздыхает Вера Павловна.

Людей партиями начали угонять в Германию. Сначала русских немцев (под Стрельной было немецкое поселение), потом русских финнов, потом просто русских.

И вот настало раннее утро 4 мая 1942 года.

Выдержка из дневника Веры Фроловой: «...Непонятное ожидание беды охватывает все мое существо. И вот она — беда! Крытый черный фургон возникает на фоне розового неба. Слышатся резкие голоса, лай собак. Беда надвигается, возникает на пороге в образе двух фрицев. В руках — автоматы... Один из немцев держит на поводке большую овчарку... Другой немец, глядя на меня, резко командует: «Вставай! Шнеллер! Ты будешь ехать нах дойтчланд...» Мама бросается на колени, ползет, вытянув как в молитве руки, к ногам немца, гладит грязные его сапоги: «Оставь мою дочку, господин немец, она еще девочка. Умоляю вас... Ведь у вас тоже, наверно, есть дети... Возьмите все, что хотите, только ее не трогайте!» Немец ногой отшвыривает маму, оценивающе глядит на нее: «Гут! Ты тоже ехать Германия, matka! Шнеллер!»

1943 год. Германия. Рабам из Восточной Европы достаточно было номера.